

Одиноким плевком я хромал по городу больше часа. После четырех вошел в столовую на углу.

От неплотно закрывавшейся двери тянуло осенней прохладой, смешанной с уличной мокротой. Пахло капустой, как на улице, и чаем с лимоном. Хотелось пить.

Я поставил сумки, сел у окна. Вытащив из нагрудного кармана измятую пачку сигарет, бросил ее на столик. Подошла официантка.

– Здравствуйте! – Сухая грусть в крупных глазах; веки опущены книзу. Цвет глаз неясный: то ли болотный, то ли серо-зеленый. На коже лица следы от удаленных угрей.

– Здравствуйте.

Неумелым движением руки она положила передо мной меню.

– Воды.

– И все? – спросила она так, будто бы за все время существования этого заведения я первый, кто осмелился заказать лишь воду. Больше в столовой посетителей не было.

– И все.

Резко передернув плечами, она забрала меню и торопливо прошла в кухню.

Я был во многих заведениях общепита, но ни в одном из них мне не приходилось слышать столь тоскливой гулкой тишины.

Поднес ко рту сигарету, сморщился. Сломана! На месте перелома образовался горбик – теперь сигарета представляла собой застывшего в движении жирного белого червяка.

– Здесь не курят.

И не особо-то хотелось, подумал я и смял сигарету.

Официантка поставила передо мной стакан с водой. Я прочел на бейдже ее имя: Кира.

– Спасибо.

И выпил.

Она отошла к стойке.

Я поискал глазами мусорное ведро – выбросить оставшееся от червяка. Ага, вот и оно. Подошел, бросил, вернулся к столику.

– Еще воды.

Официантка кивнула, пошла.

– Извините, – сказал я, – поблизости есть библиотека?

Остановилась.

– Откуда ж мне знать? – спросила она, выпучив удивленные глаза.

И правда, откуда ей знать. С трудом окончившая школу, она избрала наиболее доступный, но при этом нелегкий путь заработка. Не ее вина. Хотя... может, эта Кира не местная. Без разницы: наверняка в этом городишке и библиотеки-то не сыщешь.

Из кухни вышел омраченный недовольством лысый мужчина в спецовке для строителей – еще и в пятнах. Я подумал, ее муж. Он оперся о высокий стул и с презрением оглядел мою форму. Официантка что-то шепнула ему. Мужчина оскалил унизительно желтые зубы и налил воды.

Мгновение – и стакан был в моей руке. Я начал пить.

– Счет принести? – обратилась ко мне официантка.

Я отрицательно мотнул головой – она тут же отошла – и допил воду.

Вот нетерпеливая!

– А вода разве не бесплатная?

Оба – лысый и официантка – усмехнулись.

Я решил осмотреть ее. Хрупкая фигура, безобразная прическа, на длинных ногах белые колготки в крупную сетку, причем порванные в одном месте. Синяки на лодыжках. Вдруг я почувствовал: мужчина не сводит с меня глаз. Достаточно.

Оттолкнув пустой стакан, я отвернулся к окну.

На улице никого не было. По асфальту носились оранжевые и красные листья. Голую землю кое-где уже обнимала морозная корка. Вдалеке, среди чернеюще-зеленой глухоты, мигал алмазом огонек вышки ЛЭП. Болезненно-желтое небо было пустынно.

– У нас просто так не сидят, – сказала мне официантка Кира. Я перевел взгляд на нее. Она стояла у двери в кухню. Рядом с ней все еще стоял мужчина. Подбоченясь, он внимательно смотрел на меня и хмурился.

– Давайте тогда поговорим, – произнес я, обращаясь к официантке.

Лысый хмыкнул, сделал шаг в мою сторону и сказал:

– Хочется поговорить – иди на вокзал или... в пивнушку какую-нибудь!

Его хрипло-писклявый голос когда-то обманутого мужа позабавил меня.

– Чего лыбишься? – спросил он.

– Я, пожалуй, поем. Что у вас есть?

Официантка Кира тут же схватила со стойки меню и, пройдя несколько шагов, положила его на занятый мною столик.

Стараясь не показывать замешательства, я раскрыл меню, откашлялся. Что ж, придется что-нибудь заказать.

– Когда ты сделаешь дверь? – послышался голос официантки. – С этих огородов несет целыми днями.

– Не сегодня.

– А когда?

– Не сегодня.

Я не смотрел в их сторону, но нездоровое чувство, что мужчина не сводит с меня глаз, никак не рассеивалось.

Они уже молчали.

– «Цезарь», – сказал я.

Я не был уверен, что этот лысый умеет его готовить, и все-таки рискнул.

Отдал меню официантке. Хотел что-то сказать, чтобы уменьшить возникшее между нами напряжение, но не смог. Неловко кивнул пару раз, пытаясь изобразить этим свое радушие. Она тут же отвернулась.

Еще раз хмыкнув, мужчина произнес что-то вроде: «Сейчас будет» – и ушел в кухню. Тоже мне повар – в такой-то одежде!

И минуты не прошло, как из кухни начал доноситься глухой стук ножа по доске. Официантка Кира взяла со стойки смартфон, и тот полностью завладел ее вниманием.

Никогда не думал, что так сильно захочу с кем-нибудь поговорить. Всю свою никчемную жизнь я избегал общения, а тут...

Тишина раздражала: было в ней нечто язвительное, насмехающееся. Она словно повисла надо мной в предупреждающей о чем-то позе и горько ухмылялась.

Я достал из пачки сигарет сложенный в несколько раз клочок газеты, напоминающий по цвету чешую пресноводной рыбы. Стихи.

Они были написаны при мне дрожащей рукой умирающего сослуживца. Усердные торопливые каракули покоились среди ровных густо-черных букв какой-то заметки. Стихи неказистые, с неточными рифмами, выполненные автором с грубо-неумелым насилием над самим собой, скупые на образность, однако претендующие на точную передачу чувств к любимому человеку. Наивность, приправленная выдающейся неграмотностью, катастрофически малым словарным запасом и жалкими попытками разгадать смысл слова «любовь». Банально и плохо. И ни слова о спецоперации – только любовь. Все восемь строчек – о любви.

В который раз я перечитал эти восемь строк. Я знал их уже наизусть. Было в этих замусоленных многими поколениями словах нечто поистине трогательное, касающееся даже моего израненного жизнью сердца.

И во скольких же пачках сигарет они побывали! Да, странно – что я переключал эти стихи из одной пачки в другую, но надежнее способа не было: сигареты всегда были при мне, они никогда не терялись.

Я не единожды думал, каково будет прочитать эти стихи женщине, уже знающей, что ее мужа нет в живых.

С его слов я знал, что дома – в четырехкомнатной квартире, взятой в ипотеку, – остались сын (старший ребенок), дочь и жена Яна, которая ради него еще в далеком 2007-м бросила учебу в престижном университете Перми и распрощалась со сладко-горькой мечтой о карьере декоратора, и что на протяжении этих совместно прожитых лет ни разу не утрачивали выразительности простительно-нежные отношения супругов. Рома – его звали Ромой – мило называл все это лав стори.

Стихи Рома сочинил заранее – в уме, предчувствуя смерть в бою. Телефонов у нас не было – какие могут быть телефоны в сражении! – так что он не мог услышать голоса любимой, не мог сказать ей прощальных слов. Он записал строки на одном из тех клочков газеты, которые всегда носил с собой «на случай вдохновения».

Я сложил клочок, погладил его подушечкой пальца. В который раз ощутил болезненное чувство тревоги – как при ожидании очередной бомбардировки, чувство, увеличивающееся с каждым вдохом запахов

сопревшей действительности и опаленной надежды. Это горячее чувство, оно горячее, пожалуй, ранения в ногу... А уж я-то знаю, что такое ранение в ногу. Это когда донельзя широкое и самое острое на свете лезвие, переносящее к тому же на себе жар разъяренного солнца, вонзается туда, куда лучше бы и не вонзалось: больнее того места в твоём представлении и быть не может.

Официантка стучала пальчиком по смартфону. Ее длинные ногти, покрытые черным и розовым лаком... Они напомнили о далеких девяностых, когда мы с матерью ходили в полуподвальное помещение за несвежими овощами. Там еще всегда кисло пахло капустой. Овощи продавала симпатичная армянка с точно такими же ногтями – только черного лака было больше.

– Кира!! – донеслось из кухни.

С шумным вздохом официантка спрятала смартфон в карман фартука и скрылась за дверью. Решив, что салат уже готов, я сунул клочок газеты обратно в пачку и сделал вид утомленного ожиданием человека.

Вышла Кира, сказав:

– Еще пять минут. И, пожалуйста, не глазейте так на меня больше: мой муж ревнует.

Она тут же отошла, вытащила смартфон и снова уставилась в него.

Я не решился что-либо ответить. Это было бессмысленно. Неужели я столь нагло и часто смотрел на его жену, что лысый в чем-то стал меня подозревать? И было ли из-за чего? Таких девушек в провинциальных городах немерено.

И откуда только он мог подглядывать за мной?

Я осмотрелся. Камеры не было. Если только он не спрятал ее в буфете между бутылок и скляночек.

Или просверлил где-нибудь в стене дырку, чтобы подглядывать за своей женой и гостями их заведения.

А может, он что-то почувствовал?

С улицы липкая осенняя прохлада еще несла кислый запах капусты. Но мне было не до ностальгии по девяностым. Запах, происходящее – все вместе перебивало аппетит, и я решил уйти. Бросив двести рублей – цену готовящегося кулинарного шедевра – и несколько чириков за воду, я поднялся с хлипенького стульчика... Ко мне подскочила официантка. С угрюмым весельем она пролепетала:

– Чего вы? Не уходите: муж очень вкусно готовит.

Прямо как та армянка: «Овощи лучшие, лучшие овощи. Покупайте».

Стук ножа прекратился.

Я посмотрел в ее лицо – на нем уже таяла тень детской категоричности, – сел, откинулся на спинку сиденья. Сиденье затрещало.

– Хм. Верю.

Но я не верил.

Она сделала что-то ручкой, отскочила к выходу.

– Говорила же, сюда к нам никто ходить не будет, – вдруг сказала она, смотря на улицу.

– Но я ведь пришел.

Она продолжила, как будто не слышала моих слов:

– С этих огородов тянет и тянет целыми днями. Невозможно просто.

Еще этого провинциального «просто» мне не хватало! «Просто невероятно», «просто гениально», «просто прекрасно» и тому подобная дрянь.

И чего только она стала такой разговорчивой? Для того лишь, чтобы я не ушел, тем самым не попробовав стряпню ее мужа?

Я выпрямился, ответил:

– Муж будет ревновать.

Она тут же обернулась, поправила фартук и с наивной досадностью в чертах лица вернулась «на место». Верно, куда проще сделать вид, что ничего не произошло.

– Может, музыку включить? – спросила, смотря куда-то в сторону. Сперва я даже подумал, что она обращается к мужу – прямо через стену, чего уж там.

– Было бы неплохо, – ответил я, поняв, что вопрос был адресован мне.

Она достала из фартука пульт, и через мгновение чуть слышным ручейком полилась откуда-то утомительно-сонливая музыка.

– Кира!!!

Официантка бросилась в кухню.

Я посмотрел на часы – почти пять. Подумал: если Яна работает, она скоро будет дома. Перевел взгляд на окно. Листьев теперь не было видно – седеюще-золотистое, с хризолитовыми крапинками, пространство заняли люди, торопившиеся по домам: кто – пешком, кто – на машинах.

Удивительно, теперь даже эта раздражающая некогда суэта показала мне желанной.

– Ваш «Цезарь».

Бух – на стол!

Я подскочил и глянул на официантку. Она небрежно-деликатно улыбнулась.

– Спасибо.

Ни салфеток, ни вилки.

– Принесите, пожалуйста, вилку.

Официантка тут же сделалась серьезной.

– А-а, да-да, сейчас. Подождите.

– И салфетку. Если можно.

– Салфеток нет, – ответила она, не оборачиваясь, и скользнула в дверной проем в кухню.

В принципе, подумал я, можно и без салфетки.

Тут появился лысый, пожевывавший зубочистку. Сощурился, нагло осматривая меня.

– Это лучший «Цезарь» в вашей жизни, уверяю вас, – сказал он.

Что-то мне не верилось. Мило, как мне кажется, улыбнувшись, я оглядел порцию.

– Надеюсь, – наконец ответил я сдавленным голосом. Откашлялся. Посмотрел на лысого.

Тот стоял и ухмылялся.

И чего только он ухмылялся? Ощутил каким-то странным образом превосходство надо мной? В чем? В том, что не поехал на СВО? Или в том, что борщи умеет варить?

Пришла официантка – принесла вилку.

– Спасибо.

Она отошла к стойке, развернулась и – даже не вытянула из фартука смартфон! Стояла и с надеждой смотрела то на меня, то на своего лысого. А тот вообще с меня глаз не сводил.

«Цезарь» выглядел дороже двухсот рублей.

Я подцепил что-то вилкой, поднес ко рту. Замер.

В этот момент я ощутил себя древнеримским отведывателем кушаний. Или отравлюсь, или отравлюсь и помру, или поем. Два против одного: шансы были невелики.

Попробовал.

Оказалось очень даже неплохо.

– Вы ведь солдат, да? – услышался голос Киры.

Я повернул голову. Мужчина больше не ухмылялся – опять хмурился.

– Да.

Лысый с шумом выдохнул воздух.

– И чего, как там? – спросил он, явно раздраженный. – Смотрю, хромаете.

«Да откуда ты все видишь-то? – подумал я. – И вообще, сам же не хотел разговаривать».

– Хромаю. Там – как всегда: то влага, то холод...

– Бедненькие, – с извинкой.

– ...то смерть, то второй шанс.

– Хм, не удивлен, – ответил он.

Я промолчал. «Цезарь» был интереснее этого разговора. Я, конечно, хотел поговорить, но не с лысым и не об этом.

И только я вернулся к салату, как прозвучал новый вопрос – снова от него:

– Как они могли напасть?

– Извините?

– Я спрашиваю: как они могли напасть? Вы говорите, они могли напасть первыми, но как?

– Я ничего не говорил.

– В телевизоре говорили.

«В телевизоре!» Ох уж эта провинциальная простота!

Я положил вилку, потянулся было за салфеткой... Вспомнил, что салфеток нет.

– Вы можете ответить? – давил лысый. – Как они могли напасть, если у вас есть ядерное оружие?

– При чем тут это?

Мне очень не хотелось продолжать с ним разговор, но напор, с которым говорил мужчина, вынуждал меня отвечать хотя бы что-нибудь.

– А при том. Какой дурак будет нападать на страну с ядерным потенциалом?

– Вы беретесь утверждать это, не бывши там.

Но лысый не слушал:

– И из-за вас теперь гибнут дети! Тоже мне герои!

Я поднялся из-за стола, схватил сумки и, сдерживая себя, направился к выходу.

– Вот всегда так! Уходите, когда вам нечего сказать!

– Постойте! – услышался голос Киры.

– Мне есть что сказать, но вам говорить что-либо бесполезно, – не оборачиваясь, произнес я и вышел вон.

На улице было уже чуть прохладнее. А кислый запах капусты не казался столь навязчивым, как в столовой.

– Постойте!

Я оглянулся. Официантка Кира, поправляя фартук, открыла рот, чтобы что-то сказать, но...

– Кира!!! Закрой дверь!

И она закрыла. Матовое стекло исказило черты ее проникнутого болезненной обидой лица. Наверное, девушка хотела почувствовать независимость – хотя бы на мгновение, как когда-то, но голос мужа напомнил ей о перенесенной с ним боли. Лысый знал о ее страхах, манипулировал ею. Послышалась его ругань.

Кира сжалась и отошла от двери.

Я отвернулся.

Пора было идти к Яне – обратный поезд отправлялся в семь часов.

* * *

Несколько минут я стоял у подъезда и не решался набрать номер квартиры. Все думал: может, подождать еще немного? Или вообще отправить стихотворение по почте? Но ведь я обещал, что лично отдам ключок Яне.

Подул скулящий ветер. Стало очень холодно.

И я решился – набрал номер.

Гудки... Ледяной пот.

– Да? – донесся из домофона женский голос.

– Это Яна?

– Да. Вы кто?

– Добрый вечер! Я... Костя, сослуживец Ромы. Он... эм... просил кое-что передать вам... Мне на улице подождать?

Молчание. Трескучий детский смех.

– Заходите, – ответила Яна волнительно-гостеприимно, но с очарованием горя.

Стало теплее.

Я оказался в парадно-безупречном подъезде, где с выцветшей зеленью стены были исписаны душевно оголенными образами персонажей сказок, мифов, легенд, фильмов и мультфильмов. Здесь отразились и щепетильная кротость Белоснежки, и змеиное обаяние Бабы-яги, и выдающийся вкус стиля почтальона Печкина. И все это ярко, броско, глянцевиито. В спасительном изумлении, узнавая все больше и больше любимых героев, я поднялся на пятый этаж. Дверь была приоткрыта.

Я вошел...

...и оказался в уютной прихожей. Все в ней было на своих местах, и даже комод, стоявший у двери как бы посторонним толстяком.

В прихожую заглядывали дети. Смотрели так, словно что-то хотели от меня.

– Привет! – сказал я им. – Я вам тут конфет принес. – И вытащил из сумки на комод так кстати пригодившийся кулек мятных карамелек.

– Вы от папы? – спросил один из детей. Кажется, мальчик.

И что я должен был ответить?

– Я...

Слава богу, в прихожую вошла женщина.

– Вы Яна?

Она кивнула. Одета была не по-домашнему: наверное, только с работы.

– Проходите, – сказала она мягко-нарочитым тоном.

Стянув с себя ботинки, я прошел за ней и увидел довольно-таки неплохую гостиную. Не похожая ни на одну из тех пошлых, крикливых и криком озадаченных комнат с пурпурными обоями или ядовито-зелеными занавесками, с угрожающе плесневелыми потолками... Это была ничем не раздражающая, выполненная в пастельных тонах гостиная. И здесь всему было свое, подходящее место. Разве что одно из кресел – а их было три – показалось мне лишним.

Из соседней комнаты послышался детский вскрик и сразу же – единый хохот обоих детей.

– Присаживайтесь.

Я сел одновременно с ней.

– Константин, да? – спросила она.

Кивнул.

Только сейчас, в свете облачного неба, я разглядел ее. Черноволосая, с острыми скулами, идеально круглой родинкой над верхней губой и миндалевидными глазами – в общем, она относилась к тому типу девушек, которым, чтобы выглядеть прекрасно, и косметика-то не нужна.

В ее глазах отражалась тоска по пережитому когда-то счастью. Она сидела прямо, положив нежно-розовые руки на колени.

– Вас ранили? – спросила она, указав глазами на мою левую ногу.

– Ничего страшного. Скоро буду прыгать, – улыбнулся я и тут же сделался серьезным: какие могли быть улыбки!

Мы немного помолчали.

– А дети, – начал я, – как я понимаю, они еще ничего не знают?

– Да, я решила им пока не говорить.

– Но ведь похороны...

– Я их не брала с собой.

Я уже ничему не удивлялся. Но решение Яны показалось мне странным.

– Может, тогда сказать? Если скажете потом, будет хуже.

– Я знаю. Но... боюсь: они такие маленькие.

– Они поймут.

– Не думаю. Они еще не видели смерти.

– Не видели смерти? В смысле?..

Она скоро ответила:

– Они... не готовы.

Я промолчал. Смерть – моя давняя знакомая. В пять я видел, как соседские ребята топтали двух выпавших из гнезда птенцов, в семь – как грузовик сбил мою собаку; в одиннадцать я стоял у постели умирающей прабабушки, родителей не было дома – они работали, а я стоял, не понимал, что нужно делать, и – смотрел; в тринадцать я носил к ветеринару больного котенка, завернув его в платок, на обратном пути он перестал дышать. И сейчас, в тридцать четыре...

– Вы хорошо знали моего мужа?

– Почти семь месяцев бок о бок.

И зачем я сказал это «почти»?

Ее глаза заблестели от слез.

– Извините, – прошептал я.

– Нет, нет, ничего.

– В подъезде... – сказал и тут же осекся. К чему я это? Никогда не умел говорить слов поддержки!

– Что?

– Очень красиво. Вы нарисовали?

Она вяло улыбнулась.

– Да.

– Очень, очень красиво.

– Спасибо.

Мы еще немного помолчали. Она достала платок, вытерла слезы.

– Не говорите им, пожалуйста.

– И не думал. – Тут я понял, что мучаю ее ожиданием.

Вынул из нагрудного кармана пачку сигарет, сдвинул крышку... Пальцы охватила внезапная дрожь.

– Расскажите... – Но Яна не договорила: я протянул ей сложенный клочок.

– Вот.

– Это?.. – Запнулась.

– Прочтите.

На секунду застыв в нерешительности, она развернула клочок и... Цепкий взгляд. Дрожащие губы. До этого скрытая, уединившаяся от озлобленности внешнего мира любовь теперь прояснилась в каждой черточке, каждой морщинке ее миловидного лица.

По глазам Яны я понимал, что она перечитывает строки снова и снова, снова и снова, с каждым разом все медленнее – или чтобы вдуматься в смысл далеко не точных формулировок, или чтобы уловить тепло дышащего в этих строках чувства, а может, для того и другого.

И я завидовал Роме. Но завидовал не той дерзкой, грубой, черной, подчиненной стремлением к насилию завистью – я завидовал ему как человек, получивший свою толику от этого в чем-то наивного, но несомненно долженствующего счастья. Хотелось еще – больше. И да, я чувствовал себя счастливым.

Но я оставил ее. Укрывшись покрывалом тревожных дум, тихо, аккуратно вышел из комнаты. Думал, может, я и не очень хороший человек, но уж точно не самый плохой. Я мог и не передавать этих стихов – никто бы об этом не узнал. Я мог, развив в себе удушающую зависть, приударить за очаровательной вдовой. Мог... да что угодно!

И решил остаться человеком.

Навряд ли она заметила, как я ушел, навряд ли услышала, как взял сумки и закрыл за собой дверь.

* * *

Улицы ревели. Все торопилось, застревало, сверкало...

Обманутые надеждами, мучающиеся планами, люди спешили – кто куда.

Спешил и я. Мне хотелось как можно скорее покинуть этот двор, эту улицу, этот город. Равнодушие жизни и неприветливость провинции, уединенность чужого счастья и безответственность лысого – все это гнало меня дальше, дальше, дальше...

Что хотела спросить Яна? О том, как погиб Рома? Не думаю: ее горе не смогло бы вместить в себя столько ужаса. Тогда – каким я запомнил его? Запомнил любящим и заботливым: он лгал ей о многом, лишь бы она меньше беспокоилась за него. Голод, ранение, частые стычки и бои – ни о чем из этого он так и не сказал ей: смеялся, говорил о любви, о том, что все хорошо, что он в глубоком тылу. Наверное, она верила. Верила до известия о его гибели.

* * *

Через час я сел на поезд до Москвы и навсегда уехал из этого города.